

Иодуна
ХМЕЛЕВСКАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA
ZYCIE (NIE) CAŁKIEM SPOKOJNE

Июль
УМЕЛЕВСКАЯ

Жизнь (не) вполне
спокойная

АСТ
Москва

УДК 821.162.1
ББК 84 (4 Пол)
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska
Zycie (Nie) Całkiem Spokojne

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Оформление – Александр Шпаков

Хмелевская, Иоанна

Х65 Жизнь (не) вполне спокойная / Иоанна Хмелевская ; пер. с польск. Л. Стоцкая. – Москва : АСТ, 2014. – 320 с. – (Всё красное.)

ISBN 978-5-17-085001-3

Вы держите в руках последнюю книгу, написанную Иоанной Хмелевской, – а это, согласитесь, явление мировой литературы! Она открыла для нас не только жанр иронического детектива, но и поразительный мир Восточной Европы. Обладательница всевозможных литературных премий и автор шестидесяти бестселлеров, она говорила: «Богом клянись! После того как выйдет этот том, а я еще буду жива, никому никогда ни на один вопрос не отвечу! Пусть все любопытные прочтут всё, что уже написано...» Своих уморительных персонажей Хмелевская смело списывала с окружающих, а сама была авантюрна, как её легендарная пани Иоанна. И ведь Хмелевской было о чем рассказать – в детстве она пережила немецкую оккупацию, в молодости – невероятные семейные кульбиты, а потом посмеивалась, будто убийство – вещь куда более увлекательная, чем самая неземная любовь. И свою жизнь Хмелевская превратила в упоительно смешную и пронзительно грустную комедию – для всех нас, кто так любил ее книги...

УДК 821.162.1
ББК 84 (4 Пол)

ISBN 978-5-17-085001-3

© Joanna Chmielewska
© Перевод. Л. Стоцкая, 2014
© ООО «Издательство «АСТ», 2014

Глава 1

Детство

Моей прабабушке пришлось удрать из дома своей тетки, Ледуховской, чтобы выйти замуж за молодого человека не столь высокого происхождения, как тетке хотелось бы. Девичья фамилия прабабушки была Шпиталевская. Их было три сестры, по фамилии Шпиталевская, Ледуховская и Хмелевская. И от дочери Шпиталевской я и веду по прямой линии свой род. Вся история, описанная мною в «Колодцах предков», — чистая правда. Только наследства-то никакого не было...

Зато, если можно верить семейным преданиям, обвенчанная с прадедушкой прабабушка смертельно оскорбилась при виде усадьбы своего супруга и предприняла второй побег. Из дома мужа она убежала домой, к мамуле, потому как новые вотчины и пажити пришлись ей не по вкусу. Мамуля у прабабушки была человеком жестким (наверное, все бабы в нашей семье из поколения в поколение отличались дурным характером) и отвезла доченьку назад, в Тончу. Вроде бы отправила даже в карете, но головой не поручусь. Точно, что не на автомобиле.

Продолжение разыгрывалось уже на глазах у свидетелей — моей матери и теток. Прабабушка моя, в рамках бунта, пальцем не прикоснулась к домашнему хозяйству, занималась лишь садом, в этом вопросе у нее оказалась легкая рука. Росло у нее всё как в джунглях после ливня. С груши, любовно взлелеянной прабабушкой и впоследствии привитой черенком на варшавском дачном участочке, я лично вкушала плоды. Мечтаю еще хотя бы раз в жизни такую грушу съесть.

Детей прабабушка родила четырнадцать, из них выжило девять. В силу естественных причин разница в возрасте между ними была изрядная, что приводило к мощной семейной пуганице. Самый младший из сыновей прабабушки был только на шесть лет старше самой старшей ее внучки, а в следующем поколении самая старшая правнучка родилась всего через год после очередной внучки. Самой старшей правнучкой была я.

Если учесть, какие чувства прабабушка якобы питала к прадедушке, количество детей потрясает. Разве что эти самые чувства прабабушка питала непоследовательно. При своих многочисленных добродетелях прабабушка, должно быть, отличалась злопамятностью и упрямством, потому что в момент смерти прадедушки дала волю своему неудовольствию. А именно: высказала мнение, что его преждевременная кончина не что иное, как господня кара за то, что он ее обманул. При этом прабабушка выражалась такими словами, которые элементарный такт не позволяет мне повторить.

Прабабушкины дети последовательно вылетали из семейного гнезда, получая самые разные профессии. Старшая из двух дочерей работала в Варшаве, в аптеке. Это была моя бабушка. Должно быть, именно в Варшаве она познакомилась с Франтишком Кнопаким, моим дедушкой. Кнопакские родом были из Воли Шидловецкой, где и живут поныне. На хозяйстве остался дедушкин брат, а дедушка в очень молодом возрасте перебрался в город и женился на бабушке. Был он человеком с ангельским сердцем и кротким характером, поэтому бабуля, истинная дочь своей матери, могла ему выедасть мозг чайной ложечкой сколько душе угодно.

Дедушка влез в национально-освободительную борьбу, нагадил царским властям и был сослан на австрийскую территорию Польши, куда бабушка отправилась следом за ним.

Есть история, которую в нашей семье рассказывали очень охотно. Дедушка находился в тюрьме, а бабушка была дома. Неожиданно она узнала, что по лестнице к ним идут царские жандармы. Бабушке не изменили ни хладнокровие, ни смекалка, и она подсунула под задницу не то капитану, не то сержанту табуретку. Жандарм был толстый и неповоротливый, он охот-

но уселся и с табуретки начал командовать обыском. А бабушка мысленно горячо молилась, чтобы ему не пришло в голову переставить табуретку в другое место, потому как тяжесть предмета мебели его несомненно бы заинтересовала. Именно в табуретке был тайник, а в тайнике находилось все оружие, которое хранил в доме дедушка.

Господь ее молитвы услышал, дедушку сослали не в Сибирь, а всего-навсего в Тшебинь. В этой Тшебинии и родилась через два месяца моя мать. Ссылка оказалась короткой, потому что вторая бабушкина дочка, Люцина, появилась на свет уже в Варшаве.

Дедушка, должно быть, был на свободе и рядом с женой, потому что я слышала рассказы о том, как в ключевые моменты своей жизни бабушка обязательно затевала стирку, после чего заканчивать ее приходилось уже дедушке, ибо у бабушки начинались роды.

Всего бабушка родила четверых детей, трех дочерей и одного сына, который умер во младенчестве.

Три дочери — это моя мама и две тетки, Люцина и Тереса. Они доставляли матери массу огорчений и хлопот, просто говоря, отравляли жизнь. Например, один раз, возвращаясь домой, бабушка застала старшую дочку, сидящую на подоконнике. Та свесила ножки наружу, а окно-то находилось на пятом этаже. Даже через пятьдесят лет, рассказывая мне об этом, бабушка бледнела от ужаса.

В соседнем доме жил печник, который прославился полной и безоговорочной победой над своей тещей. Как-то, вернувшись домой в тяжелом подпитии, что, несомненно, придало ему куражу, он грозно рявкнул: «Кто в доме хозяин, теща или я?!», после чего разметал по кирпичику собственную печь. Вскоре после этого события три сестры пошли в кино и вернулись страшно поздно. Бабушка с дедушкой уже легли спать. Бабушке, видимо, не хотелось вставать с постели, поэтому устроить разнос дочерям, сидевшим на кухне, бабушка выпихнула дедушку. Дедушка начал воспитывать воплем:

— Кто здесь хозяин, вы или я?

— Папочка, только печку не ломай, пожалуйста! — взмолилась побледневшая Люцина.

Дедушка позорно сбежал в спальню, а проступок так и остался безнаказанным.

На лето наша семья выезжала или в Тончу, или в Волю Шидловецкую. В Воле Шидловецкой жил себе пес по кличке Шнапик. Больше всех на свете он любил моего дедушку, который в субботу приезжал из Варшавы на выходные к семье. Непонятно как пёс чувствовал приближение субботы, знал время прибытия поезда и неизменно ждал на перроне.

Шнапик был сверхъестественно умен и демонстрировал это самыми разными способами. Как-то раз занятая домашними делами бабушка услышала во дворе страшный куриный переполох. Она выскочила на улицу, и как раз в этот момент в гуще птичий куче-малы появился Шнапик.

На земле валялись несколько яиц, а Шнапик держал в пасти еще одно. Он аккуратненько добавил яйцо к общей кучке, обжег ее вокруг, разгоняя птиц, и куда-то умчался. Раз-два — и он опять возвращается с очередным яйцом в зубах. Бабушка сначала остолбенела, а потом в ее сердце расцвела горячая благодарность собаке, ведь она уже пару недель беспокоилась, что куры стали так плохо нестись. Оказалось, что неслись они во ржи, а Шнапик это обнаружил.

Семейные легенды излагались по-разному, причем не всегда четко и последовательно. Например, я так и не сумела докопаться, где же на самом деле находилась деревня с «володухом» — около Воли Шидловецкой или около Тончи? Ясно одно, что в этой деревне жила баба, прославившаяся своим скупердьяйством на три волости, а то и дальше.

Как-то раз ксендз ходил по домам святить приготовленную на Пасху снедь. Ксендза, известное дело, надо принять и угостить достойно, не абы как. Баба из последних сил переборолла себя, сделала широкий жест и устроила прием, то бишь сварила ксендзу яичко всмятку. Ксендз уселся за стол, а все живое в хате — дети и животные, чуть ли не на голову ему полезли, потому что такого деликатеса в этом доме до сей поры никто не видывал. Баба рассердилась на толкотню в избе и в гневе завопила:

— Собаки — во двор! Дети — под стол! Батюшка не володух, сам целое яйцо не съест, ежели что оставит, я вам отдам!

Вот с этого случая и возник этот «володух», который навеки укоренился в моей семье. Известно о нем лишь то, что «володух» этот самый — прорва обжорливая.

Все три дочери моей бабушки окончили школу. Правда, перед экзаменами на аттестат зрелости у моей матери вдруг развился невроз (в глубине души мне кажется, что ей просто зубрежка надоела). Невроз выражался в чудовищных головных болях, матушку оставили в покое и освободили от последнего экзамена. Головные боли тут же как рукой сняло, и она устроилась на работу в какое-то учреждение секретаршей директора.

Тереса нормально сдала на аттестат зрелости, по-моему, даже окончила какие-то курсы, во всяком случае, она тоже пошла работать. Люцина поступила в университет на полонистику¹, а потом посвятила себя культуре, искусству и журналистике.

Потом они дружно принялись выходить замуж, и первой была моя мать.

Вторая половина семьи, которая «по мечу»², естественно, тоже существовала. Годами я слышала рассказы о том, как прадедушка прибыл из Германии, по-польски не понимал, и очень уж я терзалась этой принадлежностью к немчуре, что подтверждалось девичьими фамилиями бабок и прабабок. Бекер, Кох, Шварц говорили сами за себя.

На мое счастье, мой дядя взял на себя труд проверить, что же в этой семье творилось, и вышло на свет божий, что на этих трех вся немецкость исчерпалась, потому что остальные уже были Борковские, Люзинские да Михалики.

В итоге одна пара моих прапрапредков — это Юзеф Шварц и Анна, урожденная Люзинская, вторая — Игнатий Борковский и Юлианна, урожденная Михалик. Дочка Игнатия и Юлианны, тоже Юлианна, урожденная Борковская, вышла за Кароля Бекера, это и были мои прадедушка и прабабушка. Может быть, именно этот Кароль приехал из Германии и по-поль-

¹ Полонистика — гуманитарная дисциплина, изучающая языки, литературу и культуру народов Польши.

² В Польше родство по мужской линии очень образно называется «по мечу», а по женской — «по кудели». (Примеч. переводчика.)

ски не понимал. Следующее поколение языком овладело уже в совершенстве, потому как сын Кароля, мой дедушка, был в нашей стране учителем.

Дедушка Павел женился на бабушке Хелене, дочери Паулины Кох, урожденной Шварц, внучке Анны Шварц, урожденной Люзинской.

У бабушки Хелены были две сестры — тетя Юзя и тетка Стаха. Тетка Стаха осталась в девушках, тетя Юзя вышла замуж и родила двоих сыновей — Метека и Стефана. Кроме сестер, у бабушки были еще трое детей, двое сыновей и одна дочь. Младший из сыновей женился на моей матери.

Легко заметить, что я упрямо пишу о бабках и прабабках, а про дедушек-прадедушек — молчок. Конечно, они тоже существовали, но доминирование женщин в моей семье, и по мечу и по кудели, до сего дня настолько сильно, что мужчины вообще почти не считаются, хотя им не чуждо было все человеческое: это были сильные характеры, личности, образованные люди, временами случалось, даже денежные.

Но, все как один, они, по таинственной прихоти судьбы, слыли людьми кроткими, с голубиным сердцем и ангельским характером, крепко сидевшими под каблуком этих кошмарных баб.

Смешных историй из детства моего отца я не знаю, некому было мне о нем рассказывать. Мой отец окончил так называемое торговое училище, потом что-то там еще и получил профессию бухгалтера. Возможно, отец был бухгалтером широкого профиля, но главным образом сидел в банках, обладая двумя достоинствами, бесценными для его работодателей: профессионализмом и совершенно сверхчеловеческой честностью, порой рассудку вопреки, потому что он в жизни обогатил множество разных людей, а вот себя, скорее, наоборот.

С моей матерью он познакомился на каком-то утонченном светском приеме, скоропалительно влюбился и, получив повышение по службе и страшно этим гордясь, осмелился сделать ей предложение. Как-то сразу после этого ему предложили должность директора филиала сберегательного банка в провинции, точнее, в Груйце, и отец согласился, явно подстрекаемый на то своей невестой.

Матушка упорно утверждала, что вышла замуж, чтобы ударить из дому. Бабушкой она была сыта по горло. Факты — вещь упрямая, бабушка была деспотичная, слегка скандальная, терроризировала семью просто машинально, и все три дочери боялись и слушались мать, по-разному на нее реагируя. Тереса, сжав зубы, терпела тиранию, моя мать подчинялась бабке без малейшего сопротивления, а Люцина бунтовала изо всех сил. Отдаленность от бабушки могла принести изрядное облегчение, а Груец все-таки другой город.

Второй в очереди, чтобы вступить в брак, оказалась Люцина. Как я полагаю, из чувства противоречия она записывалась во все довоенные коммунистические партии, жених-то у нее был коммунистом. Он ходил в развевающемся красном галстуке, и бабушка заявила, что скорее у нее кактус на ладони вырастет, чем Люцина выйдет за такого замуж. Вот Люцина как раз взяла да и сочеталась с ним законным браком.

Тереса вышла замуж за Тадеуша уже во время войны. Женаты они были всего пару месяцев, потом Тереса потеряла мужа из виду, и встретились они только через восемнадцать лет. Но все равно: Тереса, должно быть, единственная из трех сестер вышла замуж по влечению сердца, а не назло бабушке.

Очень может быть, что моя матушка мечтала избавиться от сестрички. У Люцины, в детстве довольно спокойного создания, теперь возникали сатанинские задумки, которые она немедленно воплощала в жизнь. Моя мать частенько вспоминала о сестре с горечью и раздражением. Именно поэтому, учитывая карьерный рост отца и его груецкое директорство, отъезд оказался для мамы форменным благословением. С одной стороны, она оторвалась от семьи и жила мирно и спокойно, а с другой — приезжала в Варшаву только тогда, когда ее душеньке было угодно, и не губила молодость в провинции.

К домашнему хозяйству мамочка пока была не очень-то приспособлена, в родительском доме она не научилась почти ничему. Может, немножечко из лени, но в какой-то мере из-за работающей бабушки, которая любила все делать по-своему. Однако мама быстро освоила приемы разумного хозяйствования

и учила уму-разуму всех домработниц, которые в результате становились шикарно вышколенной прислугой.

Чувствуя себя теперь свободной, взрослой и замужней, что в какой-то степени поубавило ее страх перед бабушкой, мама кучу времени проводила в Варшаве, в родительском доме. Деньги у нее были, отец неплохо зарабатывал, и матушка покупала всё, что душе угодно. Отца обслуживала та самая вышколенная прислуга, и все было замечательно.

Через год после маминой свадьбы родилась Лилька. Она была дочерью единственной бабушкиной сестры Хелены и тем самым стала двоюродной сестрой моей матери и моей двоюродной теткой. У Лильки были еще два старших брата, она родилась после одиннадцатилетнего перерыва, и ее мать, будучи в положении, постоянно упрекала мою маму. «Это не я должна была свалить такого дурака, а ты!» — укоряла она.

Мама, как видно, поддавалась давлению и приняла мужественное решение родить. Вот так мы обе, Лилька и я, стали единственными детьми среди всей нашей взрослой родни. Эх, кабы мы воспитывались вместе... Так ведь нет, ее родители поселились в Чешине. Встретились мы только через пятнадцать лет.

Беременность и роды матери от начала до конца были явлением кошмарным. Этот период мать пережила главным образом в Варшаве под крылышком бабушки. Своим поведением она вывела из равновесия не только бабушку, но и сестер, которые были сыты ей по горло и, совсем забыв о приличиях, уговаривали ее вернуться к мужу. А вот фигурки! Мой будущий отец приезжал ее навещать, и мамочка продержалась в родительском доме до самых родов.

Мать хотела доченьку. Бабушка наоборот. Отцу было все равно. Зато обе сестры были ужасно недовольны пребыванием в доме младенца любого пола. Особенно брезговала мной Люцина. Своего омерзения она не скрывала и вообще не хотела даже притрагиваться к такому свинству.

Первое, что мне запомнилось, — это аарон. Причем вовсе даже не друг семьи ветхозаветного вероисповедания, а цветок такой. Он так назывался — аарон, через два «а», и при этом от-

личался огромными листьями, как у каллы, и изрядной ядовитостью.

Никто не верит, что я это помню, потому что тогда мне было год с копейками. Несомненно, полностью я знаю эту историю по рассказам, но что-то навсегда застряло и в собственной памяти.

В доме на тот момент бушевала генеральная уборка. Чтобы я не мешала, мне дали чем-то поиграть, и этим «чем-то» оказался листочек цветка. Ясное дело, я его тут же потащила в рот, и воцарился Дантов ад.

Я вопила, как три пароходные сирены, может, даже громче, а родные сходили с ума, не понимая, в чем дело. Во рту у меня пылал пожар, я хотела молока! Только молока, ничего другого! Боль болью, но главным образом я драла глотку от ярости, что глупая семейка не понимает: я хочу молока, а этого молока мне никто не дает!

Продолжение я знаю только по рассказам. Гадая, что за таинственная напасть со мной приключилась, кто-то в конце концов предположил, что виноват цветок. Бабуля пошла на эксперимент, тоже куснула листик и мгновенно стала задыхаться, выпучив глаза и вывалив язык.

Мои сведения о себе самой из тех лет собраны из семейных преданий. Первого своего визита в зоопарк я не помню, туда меня отвели, показали всё, что было, привели назад, а потом задали вопрос:

— Ну и что там было, в зоопарке-то? Что ты видела?

Я глубоко и надолго задумалась, после чего ответила:

— Пиявок...

В двухлетнем возрасте я точно была далека от изысканных остров. Эти пиявки наверняка должны были там быть, хотя никогда после они не попадались мне на глаза.

Дух противоречия, скорее всего, родился вместе со мной. Мама часто и скорбно вспоминала свои дипломатические уловки. Она очень скоро изучила собственное чадо, поэтому, отправляясь со мной на прогулку, как правило, шла в направлении, противоположном тому, куда собиралась идти на самом деле. Ребенок ни разу ее не подвел: я с места начинала реветь, вылезала из коляски и энергично шла в обратном направлении.

— Ну и зачем мне было с ней ссориться? — меланхолически вопрошала мама. — Все замечательно, я хотела пойти именно туда, поворачивала следом за ней, и все было в порядке.

Дедушка частенько рассказывал мне сказки и как-то раз в чем-то ошибся. Может быть, он был сонный в тот момент. Я его перебила.

— Дедуля! — возмущенно сказала я. — Ты с елки сорвался или через мост перепрыгнул?

Дедушку мой вопрос разбудил моментально, но я до сего дня не ведаю, откуда что взялось. Слышала ли я эти слова раньше, выдумала ли их сама — неизвестно. В любом случае ехидный вопрос «С елки или через мост?..» навеки укоренился в семье.

Далее у меня начинаются уже собственные воспоминания, довольно разнообразные и, должно быть, слегка перепутанные хронологически.

Помню карточную игру. У меня такое впечатление, что играть в карты я научилась раньше, чем внятно разговаривать. Карты были настоящие, различала я их безошибочно, а вот игры были на уровне едва проснувшегося разума: в «пьяницу» и в «дурака».

В карты всегда играли на бабушкиной кухне, на большом столе, покрытом клеенкой. Я обычно сидела на этом столе по-турецки. Играли минимум три человека, и каждого, кто заглядывал на огонек, втягивали в игру.

В моей памяти засела еще большая стирка в качестве замечательной игры. По всей спальне были разложены горы тряпья: отдельно белое, отдельно цветное, отдельно нательное белье, полотенца, тряпки и тому подобное. Я же обожала блуждать по этому лабиринту, находя тропинки между грудями барахла. К тому же на помощь приходила прачка. Она приводила с собой дочурку почти моего возраста. Случалось, что стирка непрерывно продолжалась еще и целую ночь, и тогда эта девочка ночевала у нас, в той же комнате, что и я. Это было еще одним развлечением. Мы сочиняли неописуемые бредни, соревнуясь, кто выдумает самые потрясающие события и истории, тем самым развивая речь. Никто не обращал на нас внимания, и эти сериалы мы могли плести до глубокой ночи.

Мне кажется, что я тогда уже знала грамоту. Читать меня семья научила в очень раннем возрасте, потеряв всякое терпение утихомирить. Я оказалась ребенком, жадным до литературы, пусть и в несколько однобоком варианте. Я упрямо домогалась от родных прочесть мне только сказку о Железном Волке, и эту сказку о Железном Волке все, включая меня, знали наизусть. Сказка эта родственникам отчаянно опротивела, однако, стоило им пропустить словечко, я поднимала вой и предъявляла неслабые претензии, отлично зная, чего в сказке не хватает.

Конечно, меня воспитывали и на всяческих других сказках — на спящих красавицах-принцессах, белоснежках дивной красоты, и я, должно быть, отождествляла себя с воображаемыми персонажами. Коса до земли, золотые кудри и пышные одеяния оказали на меня определенное влияние, но следствием этого была горькая минута.

Как-то раз я посмотрелась в зеркало.

Это явно не был первый взгляд, поскольку зеркал в доме хватало. Но тогда я посмотрелась в зеркало сознательно, и вдруг меня осенило, что я вижу себя. Я этот момент помню, возможно, именно так рождаются комплексы... «Так вот как я выгляжу?!» — изумилась я и, кажется, крепко разочаровалась.

Семью я приводила в отчаяние тремя способами. Прежде всего, ничего не ела. Угнетающе вредное, капризное, избалованное чудовище— такое мнение о себе я долго и покаянно принимала, не противясь, пока не вышли на свет божий причины, почему я не ела, а проверочным материалом послужили мои собственные дети.

Если кормили меня так, как пытались накормить моих сыновей, неудивительно, что я ничего не ела. Неправда, что у меня не было аппетита: мне случалось быть голодной, я любила самые разные продукты, но мне не давали времени и возможности их захотеть. В меня запихивали еду в любое время дня и ночи, нужен был страусиный желудок, чтобы такое выдержать.

Кормили меня мать, домработница, бабушка и тетки, каждая по собственной инициативе и в соответствии со своими взглядами на этот вопрос. В возрасте пяти лет со мной приключо-